

поширення субстантива. Атрибутивний поширювач часто вживається у ролі залежного компонента номінатива. Прикметник, а також іменник у формі родового відмінка у цій функції є найбільш типовим способом морфологічного вираження поширеного сегмента у СК з називним теми.

Список використаних джерел

1. Високий замок. – 2009. – січень – грудень.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 144 с.
3. Голос України. – 2009. – січень – грудень.
4. Експрес. – 2009. – січень – грудень.
5. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – М. : МГУ, 1982. – 479 с.
6. Попов А. С. Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке / А. С. Попов // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М. : Наука, 1964. – С. 256–274.
7. Україна молода. – 2009. – січень – грудень.

Summary. Lexico-grammatical means of segment expression of one of the types of segmental constructions – nominative of theme, which is widely used in newspaper titles, is studied in the article. Typical variety of structural models of studied segmental constructions is distinguished.

Key words: lexical means, a segment, a segmental construction, nominative of theme, a nominative unit.

Удк 811.161.1'373.611

Т.П. Білоусова

СЛОВНЫЙ ХАРАКТЕР КОМПОНЕНТОВ ФРАЗЕОЛОГИЗМА КАК ОСНОВА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ УНИВЕРБАЦИИ

Статтю присвячено структурно-семантичним зв'язкам фразеологізмів та їх універбів, утворених різними способами. Підкреслено визначальну роль компонентів фразеологізму як матеріальної бази універбації та репрезентантів цілісного фразеологічного значення; здатність виконувати ці функції пов'язана зі словесною природою компонентів.

Ключові слова: фразеологізм, компонент, універбація, універб.

Фразеологической универбацией называем создание слова, семантически равного фразеологизму, на базе одного, двух и более его компонентов, т. е. словесное переименование (переоформление) уже названного фразеологизмом. Слово, созданное “в направлении на означающее”, т. е. слово-переименование, определяем как *фразеологический универб* [2, 11–49].

Универбация – это специфическая разновидность лексической отфразеологической деривации, в которой структурное, формальное содержание превалирует над семантическим. Смысловый сдвиг – обязательный признак деривата – применительно к универбу заключается в изменении способа отражения действительности, меры эксплицитности семантического представления одинакового содержания. Потому деривация типа *бить баклуши* → *баклушить*, *баклушничать*; *тугой на ухо* → *тугоухий*; *валить с больной головы на здоровую* → *валить*; *собаку съест* → *насобачиться* выступает как подкрепление семантической целостности единицы её цельюоформленностью. Тем не менее, акт превращения единицы одного языкового уровня в единицу другого уровня не сводится к простому формообразованию, потому не можем согласиться с замечанием В. И. Теркулова о “формообразовательных (межгlossовых)” отношениях между неоднословным наименованием и его словесным эквивалентом [12, 4].

К определению языкового статуса универбации (формо- или словообразование, деривация или нет) непосредственное отношение имеет вопрос о характере компонентов фразеологизма, составляющих её материальную базу. От того, считается ли компонент словом, зависят: а) оценка вычленения как способа отфразеологического словообразования; б) описание морфемной структуры универбиров и характера формальных связей универба с фразеологизмом; в) анализ парадигматических отношений синонимии, омонимии, многозначности в сфере фразеологической универбации; г) выработка принципов лексикографирования материала.

На начальном этапе фразеологических исследований, после известных работ В. В. Виноградова считалось, что “во фразеологических единствах (демотивированных – “сращениях” – и мотивированных) поглощается и теряется собственное значение слов-компонентов и они образуют неразложимое семантическое целое...” [14, 40]. Причина такого отношения к содержательной стороне фразеологической единицы (ФЕ) кроется в сходстве денотативно-сигнификативного плана слова и идиомы. Возможность однословной семантизации, а также характерное для идиомы нарушение единства семем и лексем [10, 51] приводило учёных к отрицанию словной природы компонентов и отождествлению фразеологических единиц с лексическими (А. И. Молотков, А. Л. Ониани, И. С. Торопцев, Т. З. Черданцева и др.). Согласно этой точке зрения, компоненты фразеологизма, каждый в отдельности, асемантичны и лишь в совокупности наделены определённым значением.

В дальнейшем стало очевидным, что в аспектах цельности и неразложимости “значение фразеологизмов не представляет единой картины” [14, 40]. Идея возможной автономизации компонентов была впервые сформулирована А. Н. Тихоновым, писавшим, что “фразеологизмы могут быть членимыми и нечленимыми по значению, т. е. могут иметь простое (неразложимое на компоненты) и аналитическое (разложимое на составные части) значения” [13, 93]. Членимости фразеологизмов посвятили свои исследования Ю. Ю. Авалиани, З. Н. Анисимова, И. В. Дубинский, В. П. Жуков, А. М. Мелерович, А. Д. Райхштейн и др. Характер членимости связывался со “степенью семантической слитности” компонентов ФЕ, их количеством, категориально-грамматической природой и синтаксической структурой фразеологизма, наличием или отсутствием у него синонимов и антонимов, построенных по той же или сходной модели и т. д. [1, 5]. Д. О. Добровольский, например, предложил разграничивать семантически членимые (дискретные) идиомы типа *тянуть канитель, заваривать кашу, дешёво отделаться* (т. е. фразеологические единства по классификации В. В. Виноградова) – и когерентные идиомы, “в которых отдельные семы или комплексы сем не абсолютно соответствуют отдельным формативам компонентов”: *плюнуть негде, стереть в порошок, семь вёрст до небес* и под. (т. е. фразеологические сращения). “Формально-семантическая дискретность, – заметил учёный, – является одной из важнейших предпосылок появления у слова новых семем, источником которых является идиома” [3, 63]. Например, во фразеологизме *тянуть канитель*, по его мнению, оба компонента “способны к автономному употреблению во внутрифразовом значении...: *Ну что ты всё тянешь?! Пора кончать с этим делом! – Когда кончится эта канитель?*” [3, 62–63].

Некоторые исследователи пошли ещё дальше: компонентам когерентных идиом также нельзя отказывать в словности. Об этом писал А. И. Смирницкий: компоненты любого фразеологизма “можно и нужно считать словами, но только специфически употреблёнными” [11, 202–203]. Специфика их внутрифразового употребления связана с высокой степенью десемантизации, которая, тем не менее, не может быть признана абсолютной по ряду причин.

Во-первых, как справедливо заметил В. П. Жуков, десемантизация редко целиком охватывает и полностью парализует лексико-семантические свойства компонента, тем самым низводя его до уровня “фонетического слова”; чаще всего происходит сложное взаимодействие целостного значения фразеологизма с полностью не угасшей семантикой его составляющих [4, 9–14]. Д. Н. Шмелёв придерживался того же мнения: “Сколько бы ни была затемнена “мотивированность” фразеологизма (мотивированность именно через исходное словосочетание), она никогда не стирается настолько, чтобы последний превратился в полностью “внесловное” образование. В общем-то, дело не доходит до того, чтобы все компоненты фразеологизма стали никак не сопоставимы с “обычными” словами. Даже *ни зги, ни бельмеса, с панталыку* отсвечивают для нас отражённым значением целого именно как определённые формы слов” [15, 266]. А. М. Мелерович развила мысль о наличии особого отражённого значения у компонентов ФЕ и назвала семантические элементы, соотносимые с отдельными компонентами, эксплицитными, а сами компоненты – экспликаторами: “Их семантика имеет отражательный характер: эксплицируя то или иное смысловое содержание, они в то же время отражают его принадлежность определённому фразеологическому значению или какому-либо ряду фразеологических значений” [5, 114].

Во-вторых, носители языка (особенно профессионально работающие со словом – поэты, прозаики, публицисты, учёные-филологи, преподаватели и т. д.) воспринимают компоненты даже высокоидиоматичных фразеологизмов именно как слова. Об этом свидетельствует, например, интересный приём их обыгрывания, “реинтерпретации” в художественной речи. Н. А. Николина проиллюстрировала его на примере возрождения внутренней формы слова *дотла*, некогда образованного слиянием предложно-падежной формы существительного *тло* – ‘почва, основание’: – *только Не плачь до тла Тло застлано всем без разбора...* (Н. Азарова, 12 стихотворений о луне). Окаzionaleму “осмысливанию” подвергся и компонент *зга* из единицы *ни зги* (не видно): в различных поэтических текстах он интерпретирован как ‘дорога’, ‘тьма’, ‘сумерки’, ‘свеча’, ‘невидимость’, ‘жизнь’, ‘смерть’ [9, 41].

Весомым аргументом в пользу словного характера компонентов могут служить разнообразные видоизменения узуальных фразеологизмов. По наблюдению А. М. Мелерович, механизм их спонтанного семантического анализа в речи обуславливает трансформации, “при которых компоненты ФЕ могут обособляться, замещаться или дополняться другими словами, функционировать в качестве автономных знаков, окказиональных номинаций” [5, 117]. Наиболее значимыми и продуктивными в современной речевой практике признаны: расширение компонентного состава; редукция (эллипсис); включение в новые синтагматические связи; контаминация двух и даже трёх единиц; дистантное расположение компонентов, вступающих при этом в новые грамматические и образные связи; двойная актуализация значения ФЕ; частичная дефразеологизация; замена компонента и т. д. Только на материале публицистики А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко выделили и описали более двадцати способов трансформации, а созданный ими словарь “Фразеологизмы в русской речи” целиком посвящён функционированию и трансформированию этих единиц в тексте [6]. Способы трансформации всесторонне освещены также в работах Ю. Ю. Авалиани, М. А. Алексеенко, Н. Ф. Алефиренко, Ю. А. Гвоздарёва, Е. Н. Ермаковой, А. В. Жукова, В. П. Ковалёва, Р. Н. Попова, И. В. Поповой, А. М. Эмировой и мн. др.

У большинства исследователей не вызывает сомнений словный характер компонентов фразеологических сочетаний, денотаты которых соотносятся со свободными синтаксическими конструкциями (*закадычный друг, щекотливый вопрос, сгорать со стыда, тоска берёт*), и компонентов паремий, имеющих, по определению А. М. Мелерович, “денотаты устойчивых фраз” (*пуганая ворона и куста боится, из пушки по воробьям не стреляют, не боги горшки обжигают* и др.).

Таким образом, десемантизация (демотивация) различной степени релевантна только на стадии фразеобразования; в процессе же функционирования целостная семантика фразеологизма “очевидно, под давлением системы языка часто перераспределяется между компонентами..., в результате чего устанавливается своего рода симметрия между его планом выражения и планом содержания” [8, 220]. Пока единица сохраняет раздельнооформленность, фразеологическое значение остаётся “суммой (хотя и опосредованной) значений компонентов” [7, 159]. Тогда же создаются предпосылки для смыслового и – как следствие – структурного обособления отдельных компонентов ФЕ, проявления “отражённого” значения в новых контекстах [10, 35–36; 15, 266]. Если это значение повторяет фразеологическое, – можно констатировать факт универбации.

Как правило, универбация базируется на грамматически опорном компоненте фразеологизма непредикативной структуры. Он вычленяется из состава ФЕ, наследуя целостное фразеологическое значение, в том числе его грамматическую составляющую:

- вербальную: *крутить* (хвостом), *тронуться* (умом), *поехать* (мозгами), *разделить* (под орех), *продрать* (с песочком) и мн. др.;
- субстантивную: (подсадная) *утка*, (золотой) *телец*, (крепкий) *орешек*;
- адъективную: *тронутый* (умом), (мешком из-за угла) *прибитый*;
- междометную: (хоть) *убей*, (дело) *труба*.

К самым информативным с точки зрения передачи всех компонентов значения относятся простое и голофрастическое сращение компонентов, интерфиксальное сложение: *всамделе, невкайф, безумолку, на-все-руки, господи-ты-боже-мой, жертвоприносить, зубоскалить* и др.

Восстановить целостную семантику исходного фразеологизма позволяет кодирование утраченного компонента в аффиксе – например, в постфиксе: *смотреть удочки* → *смотреться*, *слонов слонять* → *слоняться*, *надрывать глотку* → *надрываться* и т. д. Однако аффикс нередко “дублирует” грамматическую составляющую фразеологического значения, обеспечивая благозвучие универба или уточняя категориальную характеристику синкретичной ФЕ, ср.: *острый язык* (у кого, субстантивная единица) и *острый на язык* (кто, адъективная) → *остро-язык-(ий)*; *так себе* (адвербиальная единица) → *так/себе-й-но* и *так себе* (адъективная) → *так/себе-й-н(ый)*, *так/себе-ш-н(ый)* и т. д.

Выбор в качестве материальной базы универбации зависимого компонента требует обязательного восполнения грамматической составляющей путём присоединения аффикса (аффиксов):

- суффикса: *прикидываться шлангом* → *шланг-ова(ть)*, *тарабарская грамота* → *тарабар-щин(а)*, *сермяжная правда* → *сермяг^(а)*;
- префикса и суффикса: *надоест как сто чертей* → *о-сто/черт-е(ть)*, *наклеить ярлык* → *объ-ярлык-и(ть)*;
- суффикса и постфикса: *ударять по рукам* → *ручк-а(ть)-ся*;
- префикса, суффикса и постфикса: *попасть в просак* → *ис-просач-и(ть)-ся*, *напиться вдрызг* → *на-дрызг-а(ть)-ся*.

Разнообразие средств и способов, задействованных во фразеологической универбации, свидетельствует не только о стремлении носителей языка сохранить (продублировать) определённые участки фразеологической картины мира, но и унифицировать форму единиц, сделать её более выразительной, экспрессивной. Кроме того, свободное обращение с компо-

нентным составом фразеологизмов (их “спонтанный семантический анализ” ради выбора материальной базы универбации) свидетельствует об осознании словной природы компонентов – не только избираемых для акта словообразования, но и утрачиваемых.

Список использованных источников

1. Анисимова З. Н. К вопросу о семантической членимости фразеологических единиц / З. Н. Анисимова // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1978. – Вып. 131. – С. 3–15.
2. Белоусова Т. П. Фразеологическая универбация в современном русском языке : монография. – Каменец-Подольский : ПП Буйницький О. А., 2011. – 300 с.
3. Добровольский Д. О. Типология идиом / Д. О. Добровольский // Фразеология в Машинном фонде русского языка : сб. статей. – М. : Наука, 1990. – С. 48–67.
4. Жуков В. П. Русская фразеология : учебное пособие для вузов / В. П. Жуков. – М. : Высшая школа, 1986. – 310 с.
5. Мелерович А. М. О функциях и структуре лексических компонентов фразеологических единиц / А. М. Мелерович // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах : сб. науч. статей (Материалы Международной научно-практической конференции. Орёл, 12–13 ноября 2010 г.). – С. 108–118.
6. Мелерович А. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь : ок. 1000 единиц / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – 2-е изд., стереотип. – М. : Русские словари, Астрель, 2001. – 856 с.
7. Мокиенко В. М. Славянская фразеология : учеб. пособ. для вузов по спец. “Русский язык и литература” / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1989. – 287 с.
8. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка : [учебник] / А. Г. Назарян. – 2-е изд., перераб. и доп.. – М. : Высшая школа, 1987. – 288 с.
9. Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы : [монография] / Н. А. Николина. – М. : ИТДГК “Гнозис”, 2009. – 336 с.
10. Попов Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов [Монография] / Р. Н. Попов. – М. : Высшая школа, 1976. – 200 с.
11. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема “отдельности”) / А. И. Смирницкий // Вопросы теории и истории языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 182–203.
12. Теркулов В. И. Универбализация в украинском и русском языках / В. И. Теркулов // Актуальні проблеми слов'янської філології : міжвуз. зб. наук. статей. – К.-Ніжин : Аспект-Поліграф, 2005. – Вип. 11 : Лінгвістика і літературознавство. – Ч. 1. – С. 236–242.
13. Тихонов А. Н. Слово и его родня / А. Н. Тихонов // Русское словообразование : труды Самаркандского госуниверситета. – Самарканд, 1971.
14. Чернышёва И. И. Актуальные проблемы фразеологии / И. И. Чернышева // ВЯ. – 1977. – № 5. – С. 34–42.
15. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики : (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелёв. – М. : Наука, 1973. – 280 с.

Summary. The article deals with the structural-semantic links of phraseological units and their univerbs of different derivation. The leading role in this process belongs to the constituents of phraseological units being a basis for univerbation and representatives of phraseological meaning. The ability to carry out these functions is connected with the verbal nature of components.

Key words: phraseological unit, component, univerbation, univerb.

УДК 81-115:27:[329.18(430)+329.15(470)]

Г.Д. Бенкендорф, Н.Л. Кротік

ТЕОРЕТИЧНІ ПИТАННЯ У ЗВ'ЯЗКУ З ТЕРМІНОЛОГІЧНИМИ ПОЗНАЧЕННЯМИ ПОНЯТЬ *МОВА ТОТАЛІТАРИЗМУ – МОВИ ТОТАЛІТАРНИХ ПАРТІЙ*

У статті аналізуються численні приклади термінологічних позначень понять *мова тоталітаризму та мови тоталітарних партій*, які використовуються європейськими лінгвістами в російській, українській, польській, німецькій, французькій, англійській мовах.

Ключові слова: *power-towa, langue de bois, newspeak, ЛТІ, дубль-новомова, ДУ-мова, новояз.*